

*Повезет
обязательно!*

Романы *Натальи Мироновой* —
это современные драмы о коварстве
и любви, финал которых всегда
оптимистичен.

Автор уверен: человек, для которого живы
понятия чести и благородства, обязательно
добьется справедливости, вытянет свой
счастливый билет. В каждой книге
вы встретите уже полюбившихся героев
прежних историй. И это не случайно:
хорошие люди тянутся друг к другу.

***Синдром
Настасьи Филипповны***

Глаза Клеопатры

Тень доктора Кречмера

Случай Растиньяка

Возраст Суламифи

В ожидании Айвенго

Наталья
МИРОНОВА

*Случай
Растиньяка*

РОМАН

Москва
2015

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М64

Оформление серии *А. Старикова*

Миронова, Наталья Алексеевна.

М64 **Случай Растиньяка : роман / Наталья Миронова. — Москва : Издательство «Э», 2015. — 512 с. — (Повезет обязательно! Романы Натальи Мироновой).**

ISBN 978-5-699-83863-9

Познакомился мужчина с женщиной. Она понравилась ему, он — ей. Только она замужем, он женат, и оба скрывают это друг от друга. Она вышла замуж по глупости, чтобы у ребенка был отец. Он женился по расчету на дочери своего начальника. Ни один о другом правды не знает, а правда оказывается такой страшной, что только истинная любовь может не разрушиться от нее.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-83863-9

© Миронова Н., 2015
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2015

ГЛАВА 1

Высокий светловолосый мужчина в деловом костюме вышел из грузинского ресторана «Генацвале» на Арбате. Он что-то говорил приглушенным баском в наушник «блу тус», отчего казалось, что он разговаривает сам с собой. Никто не назвал бы его красавцем, но у него было запоминающееся лицо — грубоватое, волевое, а в эту минуту еще и нахмуренное. Он был явно недоволен невидимым собеседником. Только что у него сорвалась назначенная в этом ресторане встреча. Сам-то он пришел вовремя, а вот его потенциальный партнер, провинциал, не знающий Москвы, но пожелавший встретиться именно в ресторане «Генацвале», позвонил и сообщил, что застрял в безнадежной пробке на выезде из Крылатского.

Ресторан «Генацвале» работал, не закрываясь, даже несмотря на очередную вспышку напряженности в отношениях с Грузией. Вот «гостю столицы» по фамилии Мурванидзе, даром что родом из Северного Казахстана, земляк, можно

сказать, и захотелось сюда заглянуть. Увы, столичных пробок он не учел, хотя его и предупреждали.

Мужчина отключил миниатюрный телефончик, сбросил наушник и, оглядевшись по сторонам, решил немного пройтись. Почему бы и нет, раз уж образовалось «окно»? Он уже по праву считал себя москвичом, но и сам когда-то был провинциалом. И ему случалось попадать впросак в огромном городе. Он спустился с Нового Арбата на Старый и двинулся вперед по пешеходной улице. Давно он здесь не бывал, хотя работал рядом, на Кутузовском.

Раньше на Арбате было много интересного. Антикварные магазинчики, букинистические, картинные галереи... А теперь, что справа, что слева, мелькали ювелирные магазины, отпрыгивающие сытеньким рыжеватым блеском низкопробного золота, да сомнительные едадни. Пожалуй, зря он сюда свернул. Совершенно нечего тут делать и смотреть не на что.

И вдруг он заметил галерею, наверно, последнюю из уцелевших. Она располагалась в угловом доме и выходила, строго говоря, в переулок. Иди он от Смоленской к Арбатской, а не наоборот, мог бы, пожалуй, ее и не заметить, прошел бы мимо. Но он шел к Смоленской и увидел. Его внимание привлекла женщина, появившаяся в витрине. Она вошла в выгородку перед самым стеклом и начала то ли протирать, то ли поправлять висевшие там картины.

Мужчина остановился. Он видел ее со спины, но то, что увидел, ему понравилось. Крупная женщина, но ему всегда нравились крупные женщины. А вот так называемых «воздушных созданий» — нервных, жеманных и похожих на мальчиков — он терпеть не мог. У этой женщины были длинные сильные ноги, и он залюбовался пластично обозначившимися икроножными мышцами, когда она приподнялась на цыпочках. Блондинка. Тоже неплохо, хотя у него не было особых предпочтений насчет цвета волос.

Некоторые его приятели предпочитали блондинок, другие — брюнеток. Встречаясь за пивом — сам он пил безалкогольное, — они развивали целые теории на этот счет. Кое-кто уверял, что брюнетки темпераментнее, с ними проще, а блондинки вялые, возни много, раскоцегаривать надо. А вот ему было решительно все равно. Хотя неплохо бы узнать, как она выглядит с фасада.

Словно ощутив его взгляд, словно прочитав его мысли, женщина в витрине вдруг стремительно обернулась. Их глаза встретились. Ее взгляд гневно отшвырнул его, заставил отшатнуться. «Поймала с поличным», — мысленно усмехнулся он. Спереди ничего разглядеть не успел. Только этот разгневанный взгляд. Женщина выскользнула из витрины и исчезла, а заинтригованный мужчина поднял глаза на вывеску и прочел: «Галерея Этери Элиавы». Он толкнул дверь и, звякнув колокольчиком, возвещающим о появлении посетителей, вошел.

Она встретила его, мягко говоря, прохладно, зато теперь он разглядел остальное. Она была хороша. Хороша той типично русской красотой, которую только дураки называют «неброской». Волосы цвета меда, подстриженные «под пажа», колоколом обрамляли круглое, мягкое, чуть скуластое лицо. Нос немного вздернут. Изумительная кожа, прямо-таки сливочная, а глаза, как ни странно, не голубые, а карие, горячие и яркие, с прозрачной, просвечивающей насквозь радужкой, напоминают крепко заваренный чай. Наверное, надо было сравнить их с хорошим коньяком, но мужчина был непьющим. «Что-то одна еда на ум приходит», — спохватился он и спросил:

— Вы — Этери Элиава?

Ничего более умного он не придумал.

Ее губы — крупные, полные, розовые — дрогнули в снисходительной усмешке.

— А что, я на нее похожа?

— Нет...

— Вам нужна Этери?

— Нет... — Черт, все его умственные способности предательски дезертировали с поля боя. — А можно посмотреть картины?

— По-моему, вы уже видели все, что хотели.

— Извините, это я нечаянно... засмотрелся.

На самом деле он ни капельки не чувствовал себя виноватым. Если женщина не дура, она не станет обижаться на мужчину за то, что он ею восхищается.

Она не была дурой. Она улыбнулась по-настоящему, обнажив красивые ровные зубы.

— Пожалуйста. Билет стоит тридцать рублей.

Он выложил голубоватый полтинник на столик у дверей. Она оторвала от книжечки плотный листочек глянцевого картона и протянула ему вместе со сдачей. Ему не нужен был ни этот билет, ни сдача, он торопливо, не глядя, запихнул все в бумажник. В галерее, выстроенной лабиринтом, с порога невозможно было разглядеть сразу все, но того, что он уже видел, ему вполне хватило, чтобы понять: его здесь ничего не интересует. Ничего, кроме этой женщины.

— Дело в том, — начал он, пряча бумажник во внутренний нагрудный карман пиджака, — что я ничего не понимаю в искусстве. Может, вы мне поможете?

— А вы хотели бы что-нибудь приобрести? — спросила она.

— Да-да, — ответил он поспешно. — Что-нибудь.

— А для какой цели?

Ему не хотелось отвечать, тем более что вопрос сбил его с толку. Ему хотелось смотреть на нее. На ней был черный сатиновый халатик на пуговичках. Не то чтобы халатик был ей мал, нет, но гордые груди натягивали черный сатин, как паруса, наполненные ветром. Тонкая талия, тонкие лодыжки и запястья, а то, чем он любовался вначале, когда увидел ее в витрине, напоминало мандолину.

— Как для какой? — вернулся он наконец на землю. — Повешу где-нибудь.

— Вот то-то и оно, — снова улыбнулась женщина, и у нее на щеках заиграли прелестные ямочки. — Где именно вы хотите повесить картину? Ну, на работе, дома? В кабинете, в гостиной, в столовой? Может быть, в спальне?

— Я подумаю.

Она пожала плечами.

— Подумайте. Многие подбирают картины к интерьеру. И ничего в этом особенного нет.

— Я в этом совершенно не разбираюсь... простите, это я уже говорил. Вот вы... Как вы отличаете хорошую картину от плохой? Кто ваш любимый художник?

Теперь она рассмеялась — весело и сердечно. Необидно.

— Вы еще спросите про мое любимое стихотворение. Художников много — самых разных. Многое зависит от эпохи, стиля... Есть великие мастера... Кое к кому я, например, равнодушна. Взять хоть Рафаэля... А есть так называемые художники второго ряда, куда более интересные. Современных художников невозможно сравнивать со старыми мастерами, хотя сейчас многие сознательно им подражают. Ничего хорошего из этого не выходит.

«Вот уж это точно», — подумал он, вспомнив портреты кисти известнейшего из подражателей, висевшие у него дома. Казалось, из них сочится... только не миро, а сахарный сироп.

— Ну, скажем, из старых мастеров кого вы больше всех любите?

Она покачала головой.

— Опять слишком общо. Возьмите Древний Египет. Простое, наивное искусство. Подход не менялся веками: фронтальный торс, голова в профиль, руки и ноги тоже. Цельный глаз на виске, хотя в жизни так не бывает.

Женщина повернулась боком, чтобы показать, что так не бывает. Мужчина жадно уставился на ее профиль.

— А зачем они это делали? — спросил он.

— Древнеегипетская живопись обслуживала смерть. Стоит что-то упустить, отклониться от шаблона, и человек рискует не попасть в загробный мир. Наивно? Да. Но в XX веке эта живопись оказала влияние на многих. Пикассо изображал аж по два глаза на одной щеке. Сюрреалисты... Слыхали о таких? Весь Сальвадор Дали отсюда пошел. Я его не люблю, по-моему, в нем очень много понта и саморекламы, но мне кажется, египетская живопись заметно на него повлияла.

О Сальвадоре Дали, великом понтярщике и мастере саморекламы, мужчина что-то слышал. Он кивнул.

— Многие художники и сейчас разрабатывают древнеегипетские мотивы, правда, в основном в декоративных целях, — добавила женщина.

Он внутренне вздрогнул. В парадной гостиной у него дома висело многофигурное декора-

тивное панно с древнеегипетскими мотивами. Фронтальный торс, голова в профиль, руки-ноги тоже. Он старался в этой комнате не бывать, а если уж приходилось, обязательно становился к панно спиной. Глядя на повернутые вбок ноги и выписанные целиком глаза на виске, можно было взбеситься. Если бы все эти фигуры поскорее попали в загробный мир, он был бы просто счастлив.

— Ладно, оставим Древний Египет, — предложил мужчина. — Возьмем что-нибудь поближе.

Опять женщина пожалала плечами. Он купил билет, кроме них в галерее никого не было, она считала себя обязанной развлекать его за эти деньги: так он понял ее жест.

— Не хочу показаться занудой, — начал он.

— Да нет, я не против, — возразила она. — Давайте возьмем эпоху Возрождения... хотя она тоже огромна. Одних итальянцев — целый город заселить можно, а ведь есть еще и Северное Возрождение, это отдельная песня. Давайте возьмем Проторенессанс — Раннее Возрождение. Это мой любимый период. — Женщина подошла к застекленному шкафчику с книгами по искусству и нахмурилась. — Надо же, у нас, оказывается, Джотто нет. Надо будет заказать на складе. Ну ладно, вот вам еще один великий художник — Мазаччо. Это уже Высокое Возрождение. Смотрите.

Она вынула из шкафчика тонкую, почти карманного формата книжку, правда, с плотными

атласными листами, и протянула ему. Он перелистал книжку и честно признался, что эти картинки кажутся ему почти такими же неестественными и статичными, как искусство Древнего Египта.

— Ну нет, не скажите. — Женщина вынула из шкафчика еще одну книжку того же формата.

Мужчина не смог даже правильно произнести красивую и звучную фамилию художника.

— Чимббуэ? — полувопросительно проговорил он.

— Чимабуэ, — поправила его женщина. — Между прочим, это кличка. Означает «Бычья Башка». На самом деле его звали Ченни ди Пеппо, а Бычьей Башкой прозвали за упрямство. Вот смотрите. — Женщина открыла книжку наугад. — Чимабуэ был страшно популярен и заполнил множество церквей вот такими мадоннами в византийском духе. Изображение статично, плоско, лишено пространства, глубины, объема. Фигурки как будто вырезаны из бумаги и наклеены на картон. Я говорю «фигурки», а ведь реальная высота этой иконы — больше четырех метров! Эта мадонна вдвое выше человеческого роста. — Тут женщина невольно окинула его взглядом. — Вдвое выше вас. А посмотрите, как надменно она усмехается, с каким презрением взирает на простых смертных! И ангелы тоже. Вот представьте себе, что кому-то пришлось бы случайно заночевать в этой церкви. Да

он бежал бы в ужасе от такой великанши! А теперь взгляните сюда.

Женщина бережно, с нежностью, открыта первую книжку и мгновенно нашла нужную страницу.

— Мазаччо, «Изгнание из рая». Это по-прежнему церковная живопись, светская придет позже. Но, во-первых, изображение объемно, даже скульптурно. А во-вторых, посмотрите, как правдиво переданы чувства! Стыд, боль, отчаяние... Здесь есть динамика. Вы же видите, они идут. У Чимабуэ никто не ходил. Мазаччо жил всего на сто лет позже Чимабуэ, а какой разительный контраст! И прожил он всего двадцать семь лет, — с горечью добавила женщина. — Говорят, его отравили. Будь у меня машина времени, рванула бы я туда его спасать. — Она улыбнулась собственной горячности. — Извините, боюсь, вам это ничем не поможет. Вы осмотритесь тут, вдруг что-нибудь подберете? Только не ищите внешнего правдоподобия, это бесполезно.

— А как же... — растерялся мужчина. — Вы же хвалите Мазаччо за правдоподобие!

— Ну, если обнаружите тут Мазаччо, — усмехнулась она, — сразу скажите мне, а я позволю в газеты и на телевидение. Сенсация будет мирового масштаба. Вы просто походите, посмотрите... Не стесняйтесь примерять картины к своему интерьеру. К цвету обоев. Думайте о размерах помещения. А главное, ищите то, что

скажет нечто важное лично вам. Может быть, вы ничего и не найдете, но... попробуйте.

Он был уверен, что уже нашел нечто важное лично для себя. Но как сказать об этом вслух?

— Вот попробуйте сыграть в такую игру, — посоветовала напоследок женщина. — Представьте, что вы можете украсть одну картину, и вам за это ничего не будет, но при условии, что это *всего одна картина*. А потом покажите ее мне. Я всегда так играю в музеях.

И он покорно отправился в лабиринт на поиски.

В первом отсеке висели картины, казавшиеся ему одинаково унылыми. Лилово-серые с прозеленью разводы, глазу не за что зацепиться. Он старательно всматривался в полотна, но они ничего ему не говорили. Не то что украсть одну из этих картин, он не взял бы их, даже если бы ему приплатили. Несмотря на ее совет, он невольно ловил себя на том, что ищет жизнеподобия. И в то же время чувствовал, что если хочет продолжить знакомство, надо что-нибудь выбрать. Ну, пусть не купить, но хоть сказать ей, что ему вот это понравилось.

Лилово-серые кончились, он увидел картину, на которой все было понятно и даже забавно. Нарисована сковородка — добротнo, подробно нарисована, — и на ней лежит вилка. Знакомый пейзаж. Только вилка не столовая, а... электрическая. Которую в розетку втыкают.

Мужчина улыбнулся, уловив шутку. Может, сказать ей, что ему вот это понравилось? Нет,